

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И НЕКОТОРЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЫЛИН

Из многочисленных вопросов, связанных с поэтикой (1), нами избран для рассмотрения только один — вопрос о метрике былинного стиха и о его сходстве с поэтической строкой «Слова».

Нам кажется, что этот вопрос — основной. Без его решения не столь интересны выводы об отрицательных сравнениях и стандартных эпитетах. Последнее в конце-концов может быть где-то и вторичным. Сравните великолепные имитации народно-поэтической речи в поэзии XIX века: «Не ветер, вея с высоты...» (А. К. Толстой).

Выбрав именно этот вопрос, мы не рискуем оказаться с уравнением, в котором два неизвестных, хотя существуют и скептические рассуждения по поводу размера и ритма былин (2). За долгие годы исследования этих великолепных материй было сделано немало ценных открытий. Самое же давнее — открытие А. Х. Востоковым в былинной строке дактилической клаузулы (сам же по себе былинный стих А. Х. Востоков считал бесстопным (3).

Стопная теория былинного стиха создавалась и укреплялась в исследованиях и рассуждениях В. К. Тредиаковского (4), А. Ф. Гильфердинга (5), Н. С. Трубецкого (6), Р. О. Якобсона (7). Наиболее ценным и обоснованным было открытие в былинном стихе дактилических стоп, перемежающихся со стопами иного рода. В дальнейшем не объясненная достаточным образом изменчивость былинного стиха стала причиной эмпиризма в стиховедческих описаниях, преобладания статистических таблиц (8) над тем, что можно было бы назвать синтезирующей моделью (9).

Непосредственное обращение к былинному тексту (нами была избрана былина «Микула Селянинович и князь Воль-

га», записанная от И. Т. Рябинина (10)) позволило выявить следующие метрические закономерности:

1. Инвариантом всех строк былины является трехстопный дактиль:

/ - - / - - ; - - ,

вполне напоминающий дактиль современных поэтических текстов. Но это — лишь в основных, базисных вариантах данного метра.

Основными вариантами мы назвали безупречное дактилические строки, в которых поэтические ударения совпадали со словесными:

= Жýл Святослáв девяносто лет =

К основным вариантам были отнесены и такие дактилические строки, в которых отмечалась ритмическая инверсия, т. е. ударения были оттянуты на безударные словесные слоги вследствие строгости метра:

= Его-то бы́л родный дáдюшка =

Несомненно также дактилическая безупречность строк, в которых недостаток слогоносителей компенсируется возможностями силлабем, не содержащих гласных:

= Стáл Во-ль-гá растеть мáтереть=

= Пé-рь-вой гóрод Игúровец=

= Дру́-го-й гóрод Оréховец=

= Тré-ти-й гóрод Крестьяновец=

Все остальные особенности дактилических строк (такие, например, как ударение в клаузуле (11): =... девяносто лéт =, и под.) во внимание не принимались.

2. Производные варианты — это анакрозированные стопы, иногда только первая:

А и

= рýска-ть вóлком по чýстым полям=

О

= ráть и пахáть и крестьяновати=

А и

= nádobna mié божья помочь оратъ=

А во

= дру́-го-й гóрод Оréховец=

А кто

= лéжа лежít, той и встáть невмочь=

В других случаях анакруза усложняет вторую стопу или третью, или все три:

Воль
= Молодой гá Святослáвович=
ре
= Жýл Святослáв да ѹ пе стáвился=
Оста не до
= вáлось от гó дай ча мýло=

Следует сказать, что анакруза не противопоставлена только сильной части подии (стопы), т. е. ее тезису. Она противопоставлена всей стопе, т. е. тезису и арсису в целом. Ее назначение, видимо, чисто речевое, в то время как подия, т. е. дактилическая стопа, инвариантна к стиху и музыке (12).

3. Между прочим, анакрузе русских былинных строк соответствует нередко такая же автономная эпикруза. Она представляет собою один или два лишних слога в безударной части последней стопы (в языковом отношении это могут быть ударные слоги):

лýм
= ... по чýстым по =
шко
= ... орáтаю =
ратъ
= ... помочь о = и т. д.

Эпикруза дает возможность еще более видоизменять былинную строку (13).

* * *

Обращаясь к «Слову о полку Игореве», мы находим в нем те же варианты дактилических строк, что и в былине о Гольге. Разница лишь в том, что в «Слове» редуцированные гласные «ъ» и «ъ»—в какой-то степени еще живые слогоносители (14). В системе гласных они были противопоставлены по признаку долготы как немаркированные фонемам «ы» и «и» и отличались от последних только краткостью (15). Этот момент очень важен для реконструкции поэтической строки «Слова» и определения ее ритмических особенностей. Вторым очень важным моментом, видимо, следует считать возможные повторения некоторых слов в соседствующих строках—эти повторения, несомненно, устранились в процессе

сознательного или не вполне сознательного превращения «Слова о полку Игореве» в так называемую ритмическую прозу (16), т. е. при записи текста, первоначально произнесенного устно и имевшего поэтическую форму (17).

Третий момент мы связываем с неустойчивостью нисходящих словесных ударений, которые не могли конкурировать с поэтическими (дактилическими) ударениями строки, в отличие от старых и новых акутов, для которых такое противодействие не было опасным. Циркумфлексные ударения, таким образом, сохранялись в поэтической строке «Слова» лишь тогда, когда они совпадали с дактилическими ударениями стиха:

= Оба есвé Святыслáвича=
= ищучи сéбе чти á князю= (18)

Акутевые словесные ударения могут совпадать с поэтическими, но могут и конкурировать с ними, создавая ритмическую инверсию в одном, реже — в двух или трех стержневых словах строки:

= сáбли (у нýхъ) избстрени= (19)
= Комóни ржуть за Сулóю=.

В наиболее безупречном с точки зрения дактилической ритмики участке «Слова» (он начинается со второй «цитаты» из Бояна «Комони ржутъ...» и кончается словами Всеволода «...ищучи себе чти, а князю» (20) нами обнаружено 10 строк чистого трехстопного дактиля, без каких-либо инверсий, 13 строк—с инверсией в одном слове и 2—с инверсией в двух, трех словах. Всего в отрывке 25 строк, включая те, которые образованы в результате восстановления повторов, столь типичных для русского эпоса.

8 строк содержат анакрузы; последние, как и эпикрузы, в приводимом ниже тексте выделены (подняты над основной строкой). Позволим себе представить весь упомянутый текст:

= Ксомбни ржуть за Сулóю,
згенить слáва въ Кýеве,
въ
трубý трубять Новéграде... (21)
Стоять стáзи въ Путýвле.
Игбрь ждéть мýла брата,
да
(мýла бráта — бráта) Всéволо
ему дъ
И рече Бýй-Турь Всéволо :

«О дінь брать, одінь свé —
светлый (светъ) ты, Игорю,
оба есвé Святыслáвича.
Се свое
длái, брате, бързыи комоны.

А мой (комоны) готови,
о седлани у Курска на пере (22).

А мой куряни — свéдоми:
дъ
кмёти, по трубами побити,
подъ шеломы взлелéяни,
конéцъ копия вскърмлени.
Пу

ти имъ (кмётямъ) вéдоми,
я мъ
рúгы и (кмётямъ) знаеми.
Луци у нихъ напряжени,
тули (у нихъ) отворени,
сабли (у нихъ) избстрени.
Сами и
скáчутъ áки сéры вълци,
и
аки сéры вълци въ поли,
йщучи сёбе чти á князю.=

Может быть, приведенный отрывок из «Слова» не типичен? Ведь он представляет собой развитие одной из запевок Бояна (ср.: «чили въспети было вещей Бояне, Велесовъ спучел!») (23).

Оказывается, что и другие участки гениального творения XII века, несмотря на деформацию, которой они подверглись, восстанавливаются как дактилические стихи. Вот отрывок из плача Ярославны:

Яро
= слáвниъ гла́сь [ся] слы́шить—
зегзíцею рано кы́четь,
зег
(зýцею кы́четь) незнáемей.
[Пóлечю, рéче, зегзíцею,

по
(пóлечю, рéче), Дунáеви,
бóмочю бебрýиъ рукáвъ,
бе въ це
[брýиъ рукáвъ] Каýле ре ,
го
утру князю кровавые е
на мъ
рáны жестóце егó теле.=
Дактилический облик имеет и первая «цитата» из Бояна:
=Не бóя соколы зáнесе
[черéзъ] поля ширóкая,
[нe] гáлици стáды бежать,
къ
[бежать] Дóну велíкому...=(24),
и описание выхода Игоря из Путивля:
=Тогда въступи Игóрь—князь,
[въступи] въ злáть стремень
и по
éха по чýстому [по] полю...=.

Не поддается аналогичной обработке, однако, вступление в «Слово» («Не лепо ли ны бáшеть, братне...») — в некоторых своих участках. Вряд ли этот факт все же может быть свидетельством того, что вступление в «Слово» — результат его более поздней обработки (25).

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1. Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении (Композиция, художественный мир, особенности языка); Автореф. дис. ...докт. филол. наук.—М., 1985.—44 с.
2. Квятковский А. Поэтический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1966.—С. 169. Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика.—М.: Наука, 1974.—С. 352.
См. также: Петенева З. М. Язык и стиль русских былин. — Львов: Вища школа, 1985.—С. 132 и сл.
3. Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении.—СПб.—1817.—167 с.
4. Тредиаковский В. К. О древнем, среднем и новом

стихотворении российском // Избранные произведения. Б-ка поэта, б. серия. 2 изд.—М.—Л.: Советский писатель, 1963.—С. 426 и сл.

5. Гильфердинг А. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды.—Вестник Европы.—СПб.—1872.—Кн. 3.—С. 114—130.

6. Тгивеској N. W sprawie wiersza byIiny rosyjskiej. — in: Prace ośtarowane K. Wójcickiemu. WiIno, 1937.—P. 100—110.

7. Jakobson R. Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilber.—in: Slavistische Studien,

F. Spřena 60. Geburtstag von seinen Schülern—Reichenberg, 1929.

8. Jones R. Langnage and prosody of Russian epic. Paris, 1972. 121 p.

9. См., однако, Квятковский А. Указанная работа, с. 171. Недостатки модели Квятковского в ее незначительной объясняющей силе и в отсутствии в ней указаний на инвариант былинного стиха, имеющий несомненное выражение в основных вариантах.

10. Русский музыкальный эпос: Былины. М.: Советский композитор, 1981.—С. 112—118.

11. Между прочим, А. Ф. Гильфердинг считал ударение в клаузуле былинной строки самым сильным из всех имеющихся в строке ударений (см.: Гильфердинг А. Указанная работа, С. 122). Отмеченный исследователем факт был причиной того, что в былине о Вольге и Микуле им был увиден не дактиль, а анапест.

12. О древности дактилического метра, который не разрушается анакрузами, говорит мелодия былины о Вольге и Микуле, которая только такой ритм и размер предполагает. Эта мелодия уникальна в русском былинном эпосе, но она слышится и за его пределами — в карельских runах («Про Рахту Рагнозерского»). См.: Русский музыкальный эпос, с. 529.

13. Эпикрузу и анакрузу подчас различить трудно. Если предположить, что эпикруза следует не только за третьей подией, но и за второй и за первой, то можно анакрузу третьей подией считать эпикрузой второй, а анакрузу второй подией — эпикрузой первой. Языковой материал позволяет сделать и более решительный вывод: эпикруза или анакруза не только присоединяется к какой-либо подией, но и проникает в нее. В этом случае строку

= Оставалось от него дай чадо милое =

можно разобрать иначе, чем это было только что сделано, выделив в качестве проникающей эпикрузы-анакрузы малозначащий элемент «дай» (да-й).

Контрольный ряд народного стиха (по былине о Вольге и Микуле), с учетом анакруз и эпикруз:

xx / — — xx / — — xx / — — xx.

Здесь: xx — безударные слоги, относящиеся к анакрузе или эпикрузе; / — — — подиа.

14. Эти гласные могут создавать просодемы, образующие дактические подиа. Они могут, однако, и не создавать таковых. В. В. Колесов, считая редуцированные «ъ» и «ъ» в тексте «Слова» слоговыми, предлагает их читать как очень краткие «о» и «е». См.: Колесов В. В. Ритмика «Слова о полку Игореве» (К вопросу о реконструкции). — Труды Отделения древнерусской литературы, т. XXXVII.—Л., 1982.—С. 17 Поэт А. Чернов в своих реконструкциях поэтических строк «Слова» предполагает точно такое же звучание древних редуцированных. См.: Чернов А. Слово о золотом Слове. В помощь лектору.—М.: Общество «Знание» РСФСР. Научно-методический совет отделения по пропаганде литературы и искусства, 1985.—С. 8 и сл.

15. Речь идет только о конечных «слабых» редуцированных. «Сильные» еры в конце XII века, видимо, уже уступили свои позиции гласным «о», «е».

Что касается предполагаемого нами ы- и и-образного произношения «ъ» и «ъ» слабых позиций, то здесь интересен такой факт. Даже в начале XX века в некоторых северорусских (костромских) говорах на месте древних «ъ» и «ъ» произносились в конце слов хорошо распознаваемые пазвуки «ы», «и», благодаря которым в конце слов сохранялись различия между звонкими и глухими согласными. См.: Виноградов Н. Н. Послеконечное Ы в народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда.—Известия ОРЯС, т. XXII, кн. 2.—Пг., 1918.—С. 1—8.

Дети, которым Н. Н. Виноградов предложил в качестве диктанта небольшой текст, написали в конце слов типа «дед» и «грязь» буквы «ы» и «и»: (деды), (грязи) и т. д.

16. Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Несостоявшееся открытие: «поэмы» Бояна и «Слово о полку Игореве». — Русская литература.—1985,—№ 2.—С 103.

В. В. Колесов также не считает возможным видеть в «Слове» нечто подобное современному стилю, полагая, что древний лад совпадал с восходящими ударениями слова, которые были неподвижны. См.: Колесов.—Указанная работа, с. 17.

17. Наиболее энергичная попытка представить текст «Слова» как поэтическое произведение была предпринята в 1940 г. А. И. Никифоровым (см.: Никифоров А. И. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки ЛГПИ им. М. Н. Покровского, т. IV: Факультет языка и литературы.—Вып. 2.—Л., 1940.—С. 214 и сл.) Эта попытка потерпела неудачу именно потому, что А. И. Никифоров не смог обратить внимание на редуцированные гласные в тексте «Слова». Сейчас, однако, не следует забывать, что сам А. И. Никифоров называл свое рассуждение о ритмике «Слова о полку Игореве» гипотезой, и как гипотеза оно продолжает сохранять свою актуальность.

18. Мы выделили жирным шрифтом дактилические ударения стиха; знаком «'» отмечены нисходящие ударения слова, знаком «''» — восходящие. Данные о словесных ударениях в «Слове о полку Игореве» взяты из работы: Колесов В. В. Ударение в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XXXI. — Л., 1976. — С. 23—76. См. также: Колесов В. В. История русского ударения. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. — 254 с. Работы эти, особенно первая чрезвычайно важны для освоения текста «Слова», без их учета какой-либо прогресс в изучении этого памятника древнерусского словесного искусства не возможен.

19. В квадратные скобки помещена часть текста, которая восстанавливается по материалу предшествующей строки в целях реконструкции трехмерной дактилической строчки.

20. Не считаем возможным сохранять эту строку с добавлением формы «славе» (=ищучи себе чти, а князю славе=), потому что это противоречит присоединительному характеру союза «а» в других участках текста. Ср. = Княземъ слава, а дружине!=. Видимо, словоформа «славе» — добавление переписчика, не слишком постигшего смысл текста. Аналогичное исправление мы находим и в случае =...по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню=, где переписчиком вставлено «не», и это, как известно, породило версию о творческой полемике Автора «Слова» с Бояном.

В действительности никакой полемики здесь нет, и строку следует читать так: =...по былинам сего времени, а по замышлению Бояню=. Аналогично рассуждает А. Никитин (Новый мир. — 1984. — № 6. — С. 224).

21. Здесь, вероятно, кончалась «цитата» из Бояна, ставшая в XII веке стандартным зачленом многих героических песен. В цитате упомянуты прямо или косвенно (...за Сулою) три старых центра Руси — Тьмутаракань, Киев и Великий Новгород. Новгород Северский здесь непрочем. Он не входит в состав общерусского символа единства и славы — до этого ему еще далеко!

Песня о походе Игоря начинается строкой «Стязи стоять въ Путивле», которая ритмически и, видимо, мелодически соответствовала трем предшествовавшим строкам, образуя с ними музыкальное и поэтическое целое.

Ср., однако: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. — М.: Наука, 1971. — С. 202 и сл.

22. В форме «у Курьска» редуцированный «ъ» — неслоговой, поэтому в нашей реконструкции он опущен.

23. Можно представить, что и пелось «Слово о полку Игореве» в этом именно участке на мелодии старой песни о конях, ржущих за Сулою. Если эта песня действительно принадлежала Бояну и если она сохранилась в виде какой-либо былины, то более всего для

этого подходит уже разобранный нами с точки зрения ритмики былинин о Вольге и Микуле (обработка мелодии была сделана в свое время А. С. Аренским и М. П. Мусоргским).

Герой былины Вольга Святославович вполне может быть отождествлен с одним из Боянозых героев — Олегом Святославичем (умер в 1115 г.), прозванным «Гориславичем». Известна вассальная зависимость «Гориславича» от дяди Всеволода Черниговского (в былинин он зовется «ласковым князем Владимиром» и живет, конечно, в Киеве). Главное же — то, что былина о Вольге отражает тот комплекс вины Олега «Гориславича», который был у героя и (кстати!) покровителя Бояна к русскому землепашцу: «Тогда по Русской земли ретко ратаеве кикахуть...»

24. В этом участке текста мы восстанавливаем более древнюю, нежели церковнославянская, русскую форму «черезъ», а также опущенную переписчиками отрицательную частицу «не» во второй части двойного отрицательного сравнения. Эту частицу восстанавливали еще А. Н. Майков. Ср. его перевод «Слова»: «...То не стаи галчи побежали...»

25. Ср.: История всемирной литературы. — М.: Наука, 1984. — Т. 2. — С. 427.

Со временем написания этой статьи (1985) и доклада на Конференции в Санкт-Петербурге (Пушкинский Дом) автором были опубликованы следующие работы: Связь времен: «Слову о полку Игореве» 800 лет // Комсомольское знамя. — Тамбов. — 1985. — 2 февр. № 14 (6397); К 800-летию «Слова о полку Игореве»: «Ярославна рано плачет в Путивле на забрале...» // Народный учитель. — Тамбов: ТГПИ, 1985. — 4 июня. № 19; «Слово о полку Игореве» и его автор // Тамбовская правда. — Тамбов. — 1985. — 17 ноября, № 239 (18435); «Ни хытру, ни горазду...» // Тамбовский читатель (Тамбов). — Февраль 1990. — С. 3; «Иже зареза Редедю предъ пълкы Касожскими...» // Рязанское узорочье (Рязань). — Октябрь 1990, № 5. — С. 14; Слово о словах: Дивный голос Ярославны (О печальной судьбе некоторых русских отчеств) // Тамбовский читатель. — 1991. — № 9. — С. 7; Зачетки филолога: Загадка трех русских городов // Комсомольское знамя. — 1991. — 24 мая. №№ 60—61 (7277—7278). — С. 6; Экология культуры: Земля Троянья // Тамбовская правда. — 1991. — 25 мая, № 104 (19800). — С. 3. См. также книги: Золотой корень: Необыкновенные истории русских слов. — Тамбов, 1992. — С. 43—51; Воспоминания о Черной земле. — Тамбов: Изд-во ТГУ, 1994. — С. 26—40; 48—50; 124—127.

Ввиду трудностей набора в тексте всюду заменена буква «ять» на «е».